

Руслан СЕМЯШКИН

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО. АНАТОЛИЙ ИВАНОВ И ЕГО КНИГИ

Журналистом будущий большой писатель мечтал стать еще в юности, после окончания средней школы поступив на факультет журналистики Казахского государственного университета имени С. М. Кирова в Алма-Ате. Получив журналистское образование, еще до призыва в ряды Советской армии он успел поработать сотрудником сельскохозяйственного отдела, а позже — и заместителем ответственного секретаря газеты «Прииртышская правда» в Семипалатинске, пройдя профессиональную обкатку и закалку.

Грезилось ли отслужившему срочную службу после окончания университета и случайно задержавшемуся в Новосибирске младшему лейтенанту запаса Анатолию Иванову, что здесь начнется его большой литературный путь, увенчанный впоследствии всесоюзной славой и признанием?

В Новосибирске Анатолию Иванову предложили работу в качестве редактора мошковской районной газеты. «...Благодарю тот день и час, — признаётся он участникам совещания по обсуждению романа «Повитель», состоявшегося в феврале 1959 года в комиссии по русской литературе Союза писателей РСФСР, — когда дал согласие, потому что это мне, в частности для романа, дало очень и очень много. Работал в районной газете и разъезжал по колхозам. Вот тут у меня и зарождались первые замыслы, которые я попытался передать в своих рассказах».

Благодарил «тот день и час» Анатолий Степанович потому, что именно здесь, в Новосибирской области, он начал писать прозу. Большую роль в становлении литератора сыграл журнал «Сибирские огни», ставший для молодого прозаика первой журнальной редакцией, в которой его не только принимали, выслушивали, вежливо поправляли и направляли, но и разглядели в нем недюжинный талант писателя-эпика, способного на создание крупных, содержательных, глубоких и остроконфликтных полотен.

«...Любой писатель всю жизнь, которая, как правило, бывает не очень-то усыпана розами, — напишет Иванов многие годы спустя, — с нежностью вспоминает тот журнал, который опубликовал первое его произведение и тем самым благословил в тернистый, но желанный путь... Таким журналом для меня являются «Сибирские огни»».

В очерке «Родная гавань», опубликованном в мартовском номере журнала «Октябрь» за 1972 год, Анатолий Степанович писал:

Я вспоминаю сейчас, с какой бережностью и заинтересованностью в благополучном исходе дела читали тогда, в 1958 году, например, рукопись «Повители» члены редколлегии Сергей Зальгин, Виктор Лаврентьев, Афанасий Коптелов, Анатолий Никульков, главный редактор журнала

Анатолий Васильевич Высоцкий. Рукопись была несовершенна, а материал острый и, как мы говорим иногда, трудный. Шутка ли — главным персонажем произведения была фигура резко отрицательная, был образ человека мерзкого и враждебного делу нашего общества. Над таким романом редакции работать не просто, освободиться же от этого произведения было довольно легко... И все-таки поверили работники журнала в правомерность моего замысла, помогли доработать роман...

И тем помогли мне стать писателем.

Литература стала для Анатолия Степановича больше призванием, чем профессией, в которой он добился больших высот, удостоившись звания Героя Социалистического Труда, а также став лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР имени М. Горького, премии Ленинского комсомола и Международной премии имени М. А. Шолохова в области литературы и искусства.

Первый рассказ

Сначала в 1956 году «Сибирские огни» во второй книжке журнала опубликовали небольшой рассказ Иванова «Алкины песни», позже неоднократно включавшийся во многие сборники произведений писателя. В 1964 году по этому рассказу Ивановым была написана одноименная пьеса, премьера которой состоялась в том же году в Новосибирском театре юного зрителя. Затем сюжетом этого рассказа заинтересовались в Новосибирском академическом театре оперы и балета, по предложению которого автор написал оперное либретто. Премьера оперы известного новосибирского композитора Георгия Иванова под названием «Алкина песня» состоялась в 1967 году. А уже в 1973 году Новосибирской студией телевидения по оперному спектаклю был снят телевизионный фильм...

Почему этот небольшой рассказ сразу привлек внимание режиссеров театра и телевидения? На первый взгляд, представленная в нем история обыденна и ничем особым не выделяется. Разве лишь тем, что главная героиня Алка Уралова на удивление певуча и постоянно поет грустные песни...

Если взглянуть на историю любви Алки Ураловой и Сергея Хопрова более внимательно, перед нами открывается удивительно проникновенное повествование о красивой, доброй, талантливой и работающей русской девушке. Она всем сердцем полюбила женатого парня, который старше ее на несколько лет. Несмотря на сильное ответное чувство, она не решается разбить семью, оставив малых ребятшек без отца.

«Ты будешь счастлив, Сережа, — говорит Хопрову Алка на их первой и последней встрече-свидании, состоявшейся на лесной полянке. — У тебя жена, дети... А я уеду куда-нибудь. Поздно родилась я... опередила меня Люба...»

Рассказав Сергею о своей любви, зародившейся у нее давно, еще до женитьбы Сергея на Любе, расцеловав его «в щеки, в лоб, в губы», Алка, как бы тяжело ей ни было, убегает от него, прекрасно понимая, что рушить чужую семью она не вправе.

Так они и расстанутся, решив чувствам своим не давать волю. В конечном итоге все у героев наладится и заживут они по-прежнему, как будто и не было никакой любви между этими простыми русскими людьми, предельно искренними в своих чувствах, намерениях и делах.

«...Любовь не курево, от любви и отвыкнуть можно», — говорит в рассказе старый колхозник Максим Терemenцев, дед Любы Хопровой. Только вот правда

житейская, как пишет Иванов, иная и отвыкнуть от любви практически невозможно. Лишь заглушить ее, притупить, наглухо спрятать... Пойти на этот шаг необходимо во имя человеческого долга, порядочности, ради счастья чужой семьи, ради детей, в семье этой рожденных. Разве этого мало? Писатель убежден, что аргументы, сдержавшие Алку, убедительны и поступает она верно, по-людски, как подобает человеку совестливому, живущему по писанным и неписанным законам нравственности и морали.

Перечитывая сегодня «Алкины песни», не веришь, что рассказ этот принадлежит перу Иванова. Уж больно он светлый, в нем нет душераздирающих конфликтов, людских драм, противостояния и столкновений сил добра и зла. Всех тех негативных явлений, которые писатель разбирал в своих последующих произведениях, за что подвергался критике, ставившей под сомнение необходимость столь подробного описания повсеместно встречающейся в жизни скверны.

В те годы, когда Анатолий Степанович создавал лучшие свои произведения, часто высказывались сомнения, стоило ли ему так сосредотачивать свое внимание на отрицательных моментах советской действительности? Прав ли он был, когда пристально вглядывался, например, в частнособственнические инстинкты, накрепко засевшие во многих обычных советских людях?

Не сгустил ли прозаик краски, показывая жестокость, подлость и приспособленчество? Не увлекся ли он в изображении этих проявлений?

Нет, не увлекся, да и красок, как оказалось, не сгустил. Потому и понятны его образы, особенно выпукло выписанные им в романах «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», всем тем, кто искренне болеет за сегодняшнюю Россию.

Стоит отметить, что современные Константины Жуковы и Серафимы Клычковы или братья Меньшиковы никогда не будут близки Марьям Вороновым и Захарам Большаковым из романа «Тени исчезают в полдень». Что может быть общего у крупного капиталиста или главы банка — и сельского труженика, врача, учителя, рабочего завода? Разве можно говорить о каком-то единстве взглядов и интересов хозяина какой-нибудь бизнес-структуры с многомиллионными доходами и его наемного работника, работающего за 30—40 тысяч рублей в месяц? Ответ очевиден.

Вот тут и начинаешь проводить параллели с отрицательными персонажами Иванова, жившими в совершенно иных общественно-политических условиях, но презвившими о том же. О богатстве, собственности, власти над простыми людьми и возможности задарма использовать их труд. Неужели не прав был писатель, когда начал высвечивать эту тему уже в первом своем романе «Повитель», увидевшем свет в «Сибирских огнях» 65 лет тому назад? Только в то время такие частнособственнические «рецидивы» воспринимались как пережитки прошлого. В наше время о больших деньгах, ставших символом успешности и влиятельности, грезят многие россияне. Другое дело, что чаще всего это достигается за счет труда других, как им кажется, менее успешных и талантливых, не сумевших себя реализовать в условиях рыночной действительности.

Первый роман

О том, как создавался его первый роман, годы спустя Иванов расскажет так:

«Сибирские огни» — колыбель многих наших писателей, и я своим литературным рождением обязан этому превосходному журналу. Первый успех окрылил меня, и я принялся работать над произведением, в котором

мне хотелось показать, как человек преодолевает растлевающее влияние собственничества, то есть продолжить на своем сибирском материале раскрытие темы, которой столько внимания уделил в свое время Максим Горький. Главная художественная идея произведения, названного «Повитель», заключалась в том, чтобы показать, как время изменяет людей. Сначала сюжет «Повителя», конечно, в самых общих и схематических чертах, был изложен в рассказе, который я понес в «Сибирские огни». Разговоры в редакции убедили меня в том, что за пределами рассказа остались мои знания изображаемых людей, того, что сделало героев такими, какими я их написал. Чем больше я размышлял на эту тему, тем яснее мне становилась необходимость раздвинуть временные рамки произведения, увеличить количество сцен, а также картин и персонажей. Углубленная работа над обрисовкой характеров привела меня в конце концов к романной форме.

Я хотел добиться того, чтобы мои герои были увидены читателями во всей своей жизненной яркости.

После выхода из печати первого романа, принесшего молодому писателю всесоюзную известность, Иванов, приглашенный в «Сибирские огни» на должность заместителя главного редактора, отвечая на вопросы читателей, писал:

В романе «Повитель» я попытался ответить прежде всего себе, что же происходит в нашем новом, социалистическом обществе с людьми — последними могиканами старого мира, насквозь пораженными неумной жадной частной собственности. Люди эти (в романе — Григорий Бородин) порой знают и любят землю, умеют работать и, пойми они смысл революции и времени, много полезного смогли бы сделать для общества, а значит, и для себя. Но в том-то и дело, что многие, очень многие из подобных людей не в состоянии увидеть этот великий смысл и, пораженные своей неизлечимой болезнью, задыхаются в ненависти к новому времени, к новому обществу, доходят в своих поступках до маразма и в конце концов как личности умирают, погибают. В этом отношении время, общественные процессы — вещи жестокие, неумолимые: тот, кто не понимает, не в состоянии понять и принять прогрессивных идей, революционного хода истории, неизбежно гибнет.

Остроты у этого писательского посыла в наши дни поубавилось. Тем не менее нельзя утверждать, что частнособственнический зуд, зачастую перетекающий в откровенную одержимость и даже в паранойю, не несет серьезных угроз для современного общества. Несет, причем такие, последствия которых преодолеть будет сложно, болезненно и затратно.

Советский писатель Иванов, когда писал о современности и недалеком прошлом, заглядывать в далекое будущее не мог. Поэтому и творчество свое рассматривал с позиций времени, ему хорошо знакомого, им постоянно изучаемого и подвергаемого глубокому анализу. Однако сегодня, по прошествии 65 лет после выхода в свет его первого романа, 60 лет со времени опубликования опять же в «Сибирских огнях» романа «Тени исчезают в полдень» и почти полувека, минувшего с момента, когда к читателям пришел «Вечный зов», становится понятно, что пророческого дара Анатолий Степанович лишен не был.

Не просто так заглядывал писатель в даль будущих десятилетий. Слишком много мерзостей старого, вроде бы отжившего мира, разлагавших, сковывавших развитие и стремление к созидательной человеческой жизни, он повидал и описал в своих эпических произведениях. Знал он и о современных ему ненавистниках советской власти, грезивших о частнособственнических ценностях. Вот только эти

либеральные ценности, прикрываемые якобы подлинной демократией, на поверку оказались антиценностями. Их успешно использовали для разрушения огромной державы, которую уважали во всем мире и которая могла дать отпор любому противнику. Целясь в СССР, эти некогда прикормленные советской властью деятели, по сути, стреляли в Россию.

Всесоюзное признание

Когда журнал «Сибирские огни» опубликовал «Повитель», авторитетный критик того времени А. Макаров напечатал в журнале «Знамя» обширную статью, в которой квалифицировал роман молодого писателя как «необычный в современной литературе».

Подобная оценка не была преувеличением. «Повитель» действительно стала для советской литературы большим, неожиданным и знаковым событием. Поэтому резонным продолжением разбора этого романа, начатого критиками, стало его обсуждение в феврале 1959 года в комиссии по русской литературе Союза писателей РСФСР под председательством секретаря правления СП РСФСР Сергея Баруздина. Об этом было рассказано в том же году на страницах майского номера журнала «Сибирские огни».

Анализируя роман, известный советский писатель Дмитрий Нагишкин проводил аналогии между Григорием Бородиным и другими известными литературными героями, такими как Григорий Мелехов из «Тихого Дона» Михаила Шолохова и Петр Сторожев из романа «Одиночество» Николая Вирты, вспоминая книгу «Ненависть» Ивана Шухова. Он подчеркивал, что Иванов «...не только показал попытку этих людей перекраситься, временно притаиться и вроде как изнутри взорвать советскую власть»:

Я внимательно слушал выступление А. Иванова и обратил внимание на то, что он произнес слово «противоречие». Это возбуждает серьезное внимание и интерес к личности автора, к его методу работы и осмыслению жизненных явлений.

Есть ли в нашем обществе противоречия? Сейчас в этом сомнений быть не может. Противоречия есть, они антагонистические, как говорится, но довольно-таки неприятные.

Могут сказать, что эта книга характеризует уже пройденный этап, что таких Григориев Бородиных сейчас нет. Но если их и нет в таком виде, налицо остается серьезное противоречие между личной собственностью и собственностью общественной. Это противоречие не снято, как не снято и другое противоречие: факт имущественного неравенства. Оно не имеет прежней основы, против которой в свое время прозвучал залп «Авроры», но налицо противоречие между людьми, находящимися в менее и более обеспеченном положении... С другой стороны, имеются в нашей социалистической стране такие рабочие и служащие, которые хотят работать поменьше и получать побольше...

Я говорю об этом потому, что корни бородинщины есть у нас и сейчас, и с этой точки зрения книга А. Иванова «Повитель» сделает доброе, полезное дело. Правда, она не из «мягких» книг, которые закрываешь с улыбкой удовлетворения и чувствуешь «благорастворение воздухов и плодов земли»...

Эта книга жестокая, даже злая, но она является серьезным оружием советского писателя в борьбе против буржуазного сознания людей в нашей стране.

Стоит согласиться с тем, что «Повитель» — жестокая книга. Но и последующие произведения Иванова «мягкими», бесконфликтными, наполненными только светлыми и радостными сценами никак не назовешь. Скорее наоборот. В общеизвестных экранизациях романов «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», снятых Валерием Усковым и Владимиром Краснопольским, столько разнородного зла и человеческих драм, что впору говорить о том, что книги эти тяжеловесны, пессимистичны и знакомиться с ними следует аккуратно, дабы не вовлечься в описываемую в них негативную стихию.

«Тени исчезают в полдень»

Шестьдесят лет назад к читателям пришел второй роман писателя «Тени исчезают в полдень», почти сразу после опубликования признанный крупным достижением отечественной литературы.

Вот как впоследствии писал о нем Анатолий Степанович:

Для своего нового романа «Тени исчезают в полдень» я избрал эпиграфом народную поговорку: «Оттого молодец с лошади свалился, что мать криво посадила». Иногда пишут, что этот роман направлен против сектантов, ведущих свою подлую подрывную работу. Конечно, в нем есть мотивы, которые могут быть таким образом истолкованы. Но на самом деле больше всего меня интересовал человек, сложность его духовной структуры. В романе много тяжелых, даже мрачных страниц. Я ничего не хотел скрывать от читателя — правда должна была предстать во всей своей обнаженности. <...>

Роман «Тени исчезают в полдень», созданию которого посвятил семь лет жизни, я закончил эпилогом, воспроизводящим шествие весны по земле. Я мечтал о том, чтобы читатель, узнав о жестокостях и всяческих трудных, иногда даже неприглядных делах, увидел красоту жизни, ее неисчерпаемую поэзию. «А весной даже небольшие реки текут стремительно и бурливо, разбивая об утесы и каменистые берега, перемалывая в водоворотах все, что туда попадает... Время тоже течет, как река, тоже перемалывает и выбрасывает на берег всякое гнилье и мусор. И воздух год от года становится свежее, а земля — чище...»

«Тени исчезают в полдень» — роман эпический, и показанные в нем проблемы приобрели куда более масштабный характер, нежели в «Повители». Важно подчеркнуть и то, что этот роман полновесный, изобилует смелыми и сложными поворотами как в освещении жизненных ситуаций, так и в показе противоречивых характеров персонажей романа, надолго запоминающихся тому, кто хоть однажды его прочитал.

«Мне хотелось проследить, — раскрывал замысел своего произведения автор, — как трансформируется классовый враг в условиях современного социалистического общества. Религиозная же среда — это та среда, в которой, как мне кажется, моим отрицательным героям было бы легче укрыться и удобнее всего действовать. Разумеется, сами они не верят в бога... Я убежден, что Пистимея в романе как раз такая, какой была задумана, то есть неверующая. Ее даже нельзя отнести к сомневающимся. С ранней юности ей ясно, что бога нет... Революция разрушает ее мечты, лишает баснословного состояния. Воля, ум, все помыслы Серафимы теперь направлены на одно — схоронить ненавистную ей народную власть, а если сокрушить не удастся, то, по крайней мере, мстить, сеять зло среди тех, кто эту власть поддерживает».

Сознательные враги, вынашивавшие планы по развалу огромной державы, говорил в романе писатель, у советской власти были всегда. Все они Ивановым нарисованы не просто правдиво, а предельно убедительно. Как заявлял сам писатель, еще очень рано говорить о том, что внутренних, скрытых врагов в государстве нет. Но и пасовать перед ними также не следовало. Наверное, поэтому он вкладывает в уста председателя колхоза «Рассвет» Захара Большакова такие слова:

Я так мир понимаю. <...> Мироедов мы придавили намертво. А те из них, которые сумели уволочь переломанные ноги, забились в самые темные и узкие щели и уж не осмелились оттуда выползти. Большинство из них подохло там без воздуха, от тесноты да собственной обиды. А может, кто и по сей день жив. Живет, как сверчок, да исходит гнилым скрипом в иссохший кулачок. Все ждет — не наступит ли его время, все надеется...

Эти слова Большаков, как четко указывает в романе автор, произносит в начале июня 1960 года. Выходит, и тогда «сверчки, исходившие гнилым скрипом» продолжали жить, злорадствовать, по возможности вредить и ждать. Не дождавшись и уйдя в мир иной, они передали «эстафету» своим последователям, которые смогли упиться поражением Советского Союза и России.

Посему и видим мы сегодня новых отщепенцев, готовых торговать интересами страны, живущих в очередном ожидании возвращения в незабываемые для них постсоветские времена, когда в раздираемой социальными конфликтами и противоречиями России им жилось богато и весело. Милый их подлым душонкам Запад, где они обзавелись роскошными виллами, особняками, яхтами и другим имуществом, еще не был для них закрыт...

Представляя отрицательных персонажей, Иванов стремился донести до широких масс мысль о том, что зло чрезвычайно живуче и обладает феноменальным даром маскироваться, принимая личины обычных добрых людей. Поэтому такие страшные фигуры, как Константин-Устин и Серафима-Пистимея Морозовы, Тарас-Илья Юргин, Демид Меньшиков стали в нашей литературе отрицательными.

Всегда помнивший «о своей усадьбе над Волгой, о добротных амбарах, доверху засыпанных тяжелой холодной пшеницей», Костя Жуков, устав отсиживаться вдали от людей, убив в дороге переселенцев и воспользовавшись их документами, становится Устином Морозовым, Серафима Клычкова — его женой Пистимеей, а находившийся всегда при них Тарас Звягин — Ильей Юргиним. Тогда-то, с середины 1928 года, этот злодей и начинает осуществлять в далекой деревне Зеленый Дол леденящую кровь задачу, которую перед ним поставил бывший местный богатей и бандит Демид Меньшиков. Нелишне и нам поразмышлять над ней.

— ...Значит, живя там, и будешь Захарке Большакову свеженькой соли под хвост ежедневно подсыпать, — говорил Демид, отставляя на траву жестяную кружку. — Я не хочу, чтоб он сразу подох, как Марья Воронова. Не-ет... Это просто повезло Марье благодаря моей молодости. Неопытный я был. Сейчас — не-ет... Пусть он всю жизнь стонет и корчится от боли, как та сельсоветовская дочка на горячих углях. Он будет выползать с горячей сковородки, а ты его обратно. И пусть он хотя и безбожник, а взмолится богу о ниспослании ему скорой смерти. А смерти не будет. Действовать будешь не самолично, а через Фролку

Курганова. Есть там такой... Я тебе скажу, как ключи к нему подобрать. Будет как шелковый, как выезженный бык. <...> И еще — Наталья там Меньшикова есть. Моя сродственница. К этой и ключа не надо. По обязанности должна везти в паре с Фролом... В общем, все это и будет теперь твое главное дело...

<...> — Инструкции даешь? — вскипел неожиданно Костя. — А на черта мне твои инструкции! Смех душишь? Жизнь отравляешь? А я убивать хочу! Жечь, резать, крошить, в порошок растирать! Хочу их на горячие угли швырять, как...

— Ты убивать и будешь... Чего раскричался?! Убивать по-разному ведь можно. Присмотришься, кто там, в деревне, будет рядом с тобой... Не все ведь в рот Захарке Большакову глядят, я думаю. Так вот, надо таких... своей лапой... потихоньку накрывать. Сперва потихоньку, а потом все крепче и крепче. Кого накроешь, тот уж, считай, мертвый... для Захара.

Такая вот философия. Жуткая, иезуитская, свирепая и не оставляющая ее носителям даже мысли о том, что жить на родной земле следует мирно, созидательно, честно, ставя во главе всех житейских процессов каждодневный труд во благо родины, народа, семьи и самого себя.

Умело притаившись, выдавая себя за колхозного активиста, Устин Морозов вредил советской власти и народу три десятилетия. Вместе с ним отравляла души людям его жена Пистимея, мрачная особа, прикидывавшаяся набожной христианкой. Пытались они погубить и собственных детей, желая сделать из них верных последователей старого мира. К счастью, осуществить это им не удалось. Дети Устина и Пистимеи, в первую очередь сын Федор, вырастут нормальными советскими, патриотично настроенными людьми. Наследие кровавых родителей, живших мезью за то, чего они лишились в годы Октябрьской революции и грезивших о возвращении старых порядков, обошло их стороной.

Коли речь зашла о Федоре Морозове, нельзя не вспомнить сюжетную линию, связанную с ним, отважным красноармейским разведчиком, и его отцом-предателем, раскрывшимся сыну во всем своем страшном обличье в одном из подвалов небольшого городка в зоне боевых действий.

Эпизод, в котором Устин Морозов, в годы Великой Отечественной войны ставший немецким старостой, убивает в Усть-Каменке своего сына, всегда производил на автора этих строк сильное впечатление. Дело тут не в сентиментальной семейной драме. Суть в противостоянии между отцом, представлявшим отживший, но продолжавший биться в конвульсиях старый мир, и сыном, с детских лет впитавшим в себя преданность советской власти.

В чем квинтэссенция этого драматичного конфликта? Федор Морозов с детства рос непокорным не потому, что был сложным неуживчивым ребенком. Наоборот, он описан обычным деревенским работающим мальчишкой, почувствовавшим ложь, жившую в его семье. Каким-то особым чутьем он догадывался, что на людях отец с матерью одни, а дома совсем другие. Да и покоряться чуждым ему требованиям отца мальчик, стремившийся к знаниям, к свету, к обществу, не хотел.

Встреча с мерзавцем-отцом на войне произойдет для него неожиданно. После того как он услышит страшные для него слова, что отец служит немцам старостой, он попытается его задушить. Перечитывая эту главу, не перестаешь удивляться мастерству Иванова. Насколько точно он подобрал каждое слово, чтобы показать чудовищный накал этого психологического поединка, из которого

Федор, несмотря на то что лишается жизни от руки негодяя-отца, выходит победителем. При этом следует не забывать о политической и моральной подоплеке, которая вкладывалась писателем в этот сюжет.

Приведу в этой связи выдержку из романа, в которой слабый, не восстановившийся после тяжелого ранения Федор смело и бескомпромиссно бросает отцу свое, почитай народное обвинение:

— И, наконец, третье, последнее, — чуть потише сказал Федор. — Не упомнишь, говоришь, всех своих кровавых дел? Ничего, дорогой мой отец, люди-то не забудут. <...> И что был такой немецкий староста в Усть-Каменке — Сидор Фомичев, он же кулак Жуков, он же зеленодольский колхозник Устин Морозов... И не помогут тебе никакие самые надежные документы, с самыми что ни на есть настоящими печатями, хотя бы ты заплатил за них втрое, в десять раз больше той цены, по которой тут живые боги продаются...

— Откуда им, людям-то, обо всем узнать? — с улыбкой спросил вдруг Устин. — Ты, что ли, расскажешь?

— Не-ет, я молчать буду, — облил Федор отца с ног до головы, как кипятком, насмешкой. — Видишь, я умоляю тебя, на колени становлюсь: язык проглочу, только пощади, не убивай...

— Что же, ничего не скажу, смелый... — Устин еще более сузил веки.

— Лизать вонючие немецкие лапы не приучен, верно.

— Я русский все-таки.

— Ты-то?!

И в этом коротком возгласе Федора было столько презрения и ненависти, что узкие, как щелочки, глаза Устина захлопнулись совсем. И, не раскрывая их, он вдруг ткнул большим, тяжелым кулаком в голову сына. Удар был вроде несильный. Но Федор, даже не вскрикнув, свалился мешком с кровати.

Устин рывком выдернул из кармана пистолет. Выстрелил раз, другой, третий...

Потом открыл глаза, тупо глядел, как растут, расплываются темные пятна на груди сына, как набухает кровью повязка на его голове.

Таким образом, всего лишь коротким возгласом удивления и недоумения на слова Устина о том, что он «русский все-таки», Федор психологически добивает морального уroda, приходившегося ему отцом. Воспаленное сознание освирепевшего Морозова не выдерживает... Но ведь и тут Иванов выступал со свойственным его письму холодновато-рассудочным заключением: не имели морального права, говорил нам тогда еще достаточно молодой писатель-коммунист, эти приспособленцы и предатели своего народа называть себя русскими. Какие же вы русские, если пошли в услужение к врагу, пришедшему поработить родную землю? За какую такую «правду» служили душегубы Морозовы, Фомичевы, Жуковы и другие отщепенцы гитлеровцам? За возможность во время всенародного горя сытно жрать и за призрачную иллюзию, что немцы вернут им их богатства и собственность?!

Анатолий Иванов был неколебимо убежден, что у предательства родины и народа, как у гнусного, омерзительного антисоциального явления, не может быть никакого оправдания и вердикт в таких случаях должен быть самым суровым.

Через многие тяжелые испытания проводит писатель в этом романе своих героев. Все они выписаны им правдоподобно, где-то чрезмерно сурово, но в целом весьма лаконично, реалистично и, безусловно, высокохудожественно.

Добро в романе, как образ собирательный, с большим трудом и с неизбежными потерями все же побеждает. Мирная жизнь зеленодольцев с каждым годом идет в гору. В финале главный герой романа, постаревший председатель колхоза Захар Большаков, как-то сказавший редактору районной газеты Смирнову, что не в раю мы живем, а на грешной земле, подводит итоги своей жизни. Он смотрит с Марьиного утеса, названного в честь зверски убитой братьями Меньшиковыми первой председательницы деревенской коммуны Марьи Вороновой, на медленно, но неостановимо изменяющуюся родную деревню, и сердце его наполняется гордостью за односельчан, за их великий неприметный труд, за их кровное родство с землей-кормилицей, за их верность большой сибирской земле и всей необъятной России. Это ли не счастье — жить вместе с родной землей единой, неразрывной жизнью? Конечно же, счастье, отвечает нам писатель, большое, светлое, человеческое. Но так уж в жизни заведено, что за него придется бороться...

«Вечный зов»

По устоявшемуся мнению как рядовых читателей, так и профессионально-литературного сообщества, вершиной творчества Анатолия Иванова является его бессмертный роман-эпопея «Вечный зов».

«В настоящее время я работаю над романом “Вечный зов”, — писал Иванов в 1974 году в статье “Характер в романе”. — Действие его начинается в начале столетия и охватывает период до начала 60-х годов. Среди действующих лиц произведения — крестьяне и рабочие, подпольщики и чекисты, партийные работники, бойцы и командиры Красной Армии. Главное, что меня интересует, — становление и возмужание человека, история сибирских крестьян, нелегкие, полные драматизма судьбы трех братьев — Антона, Федора и Ивана. “Вечный зов” — название аллегорическое. Один из моих героев говорит, что человек рано или поздно начинает задумываться над сущностью и смыслом бытия, жизнью окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать властный зов жизни, вечное стремление найти среди людей свое, человеческое место. Мне хотелось показать, как человек становится гражданином, а потом и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость. Собственно, в этом — гражданственном становлении человека — и видят мои герои вечный зов никогда не прекращающейся жизни. Мне хотелось высказать свою концепцию развития человеческого характера, упрямо преодолевающего препятствия, возникающие на пути. Первая книга была отмечена в 1971 году Государственной премией РСФСР имени Горького. Сейчас я деятельно работаю над второй, завершающей книгой.

Люблю острые сюжеты. И не только потому, что они вызывают читательский интерес. Все дело в том, что именно в пору, когда человек разрубает запутанные узлы, полнее всего проявляется его характер».

Есть в «Вечном зове» один значительный, берущий за живое эпизод — диалог между двумя исконно русскими людьми, старым председателем колхоза Панкратом Назаровым и секретарем райкома партии Поликарпом Кружилиным:

— Немец снова, значит, на Киев прет? — неожиданно спросил Назаров, все глядя в окно.

— На Киев, — коротко откликнулся Кружилин, думая еще о своем.

— Да-а... Никогда я не был в этом Киеве, — заговорил почему-то Назаров. — Вот по истории учат детишек — в Киеве Русь зачиналась, а?

— Да... там, — сказал Кружилин, не понимая, зачем Назаров заговорил об этом.

— Так, может, немцы и вдолбили себе — там зачиналась, там и кончится? Потому так и лезут в какой раз на этот город?

Такая мысль самому Кружилину никогда в голову не приходила. И он поразился тому, что сказал Назаров: ведь вполне могла эта бредовая идея гвоздем сидеть в башке какого-нибудь фашистского идеолога или теоретика! Вполне. Они, немцы, любят всякие символы. И он сказал:

— Может быть...

— Только Русь-то сейчас — она вон какая! — продолжал Назаров. — И тут у нас Русь, в соседнем с нами Казахстане, в Грузии, в Армении. Во всех республиках в смысле, да?

— В этом смысле — да.

— В Громотуху вон Громотушка впадает, другие многие речки и ручейки вливаются. Потому она и не мелеет. И в тебе она, и во мне — Русь. В украинцах, татарах, во всех... разве же все это может кончиться?..

Как же надо любить нашу неоглядную Родину, Россию, Советский Союз, чтобы вложить в уста этих положительных, полюбившихся читателю, глубинных, настоящих русских героев-сибиряков, олицетворявших Русь и ее духовное величие, такие проникновенные слова? Когда перелистываешь страницы произведений Иванова, не покидает чувство несказанной любви, питавшей сердце и разум писателя. Их хочется перечитывать, потому что они наполнены великой, трагичной и жизнеутверждающей правдой о жизни России на протяжении семи десятилетий. Эти годы были судьбоносными, созидательными, горестными и радостными, устремленными ввысь и оставили неизгладимый след в истории Отечества.

«Вечный зов» — полотно необычайно пестрое, многоплановое, по-настоящему глубокое, с серьезными философскими обобщениями и, что самое главное, не растерявшее своей актуальности и злободневности сейчас. Посему остановлюсь только на двух крайне важных эпизодах романа.

Есть в «Вечном зове» страшная, но поучительная история, живо перекликающаяся с нашей действительностью, в которой Россия вынуждена вести борьбу с украинским национализмом и откровенным, сбросившим с себя маску нацизмом. В СССР было не принято вести об украинском национализме и коллаборационизме не то что серьезные дискуссии, но и безобидные разговоры. Эту тему замалчивали. Поэтому введение Ивановым в роман украинского националиста и фашистского агента Валентика и целой сюжетной линии, раскрывающей правду о том, что вытворяли эти не люди на Западной Украине, — гражданский подвиг, достойный уважения.

От рук бандеровцев жуткой смертью в книге гибнет Яков Алейников, человек честный, убежденный, но слишком прямолинейный. Начальник районного управления НКВД в Шантаре не сумел разобраться в людях и допустил массу ошибок, в результате которых пострадали достойные люди. Например, такие как Данила Кошкин, с которым Алейникову придется встретиться на фронте.

Встреча же Алейникова с Валентиком произойдет под одним из горных хуторов в Северной Буковине в конце сентября 1944 года. Якову удастся осуществить дерзкий план и нанести бандитам большие потери. Но враг окажется сильнее. Оказавшись в бандеровском плену, сотрудник НКВД ведет свой последний в жизни разговор с ненавистным Валентиком. Сцена гибели Якова

Алейникова Ивановым написана не просто мастерски, а с какой-то обнаженной правдивостью, показывающей масштабность личности Якова и всю ту гнусность, мерзость, кровожадность и бесчеловечность, которые были присущи бандеровщине. К слову, все эти характеристики свойственны этим неонацистским выродкам и сейчас.

Даже зная о немыслимых изуверствах бандеровцев, он не догадывался, не мог предположить, какая страшная казнь его ждет. <...>

— Страшной смертью умрешь, Яков Николаевич. Мы тебя пилой распилим. Как бревно, на несколько частей.

Алейников, привязанный к козлам, лежал и смотрел вверх, на прозрачное осеннее небо, в котором не было ни одного облачка. Лишь на бледных от потери крови, похудевших щеках да на морщинистом лбу проступила крупная испарина. <...>

— Герой ты, чего тут обсуждать. Перехитрил меня. Выманил мой отряд из гор. Собой пожертвовал, а отряд мой перебил... Герой, за это и казним тебя принародно. Чтоб знали, что мы живые и снова соберем армию для освобождения от большевизма многострадальной Украины. И вечно мы... и наши идеи будут жить. А ты подохнешь. Мы всех, кто против нас, жестоко уничтожим! Жестоко и безжалостно! <...>

— Отряд? Идеи? — пошевелил Алейников сухими губами, взглянул на Валентика. — Банда у тебя была, а не отряд. А ваши идеи...

За забором, на улице, уже слышалась суматоха, голоса — туда сгоняли народ.

— Вы пытаетесь запугать людей, — Алейников еле заметно кивнул в сторону ворот, — с помощью страха и ужаса вдолбить людям хотите свои идеи. И сами понимаете, что это бесполезно, ничего вам не удастся...

— Это твой ответ, значит?

— Я всю жизнь боролся против таких, как ты, Валентик. И уничтожил их немало.

— Слышал я от Лахновского — и своих неплохо давил, — едко произнес Валентик.

— Что ж, случалось и такое. По ошибке.

— Легко как! Ошибался, а теперь осознал...

— Не легко, — возразил Алейников. — Тяжелее это, чем твою казнь принять... И понял я наконец-то многое.

— Что ж именно? — все так же насмешливо спросил Валентик.

— Один умный человек мне объяснил когда-то, что добро и зло извечно стоят друг против друга. Это великое противостояние, говорил он. И между светом и тьмой, истиной и несправедливостью, добром и злом идет постоянная борьба — страшная, беспощадная, безжалостная... Не очень как-то тогда и дошли до меня эти слова. Обычная и общая, мол, философия. Но постепенно стал понимать и понял в конце концов — не обычная и не общая... Словно прозрел я и увидел — борьба эта между добром и злом идет постоянно и во всех формах, большей частью скрытых. А с лета сорок первого началось в открытую, врукопашную... Началась война не простая. Не просто очередная война. Не просто одна фашистская Германия воюет с нами. Все мировые силы зла и тьмы решили, что пришел их час, и бросили в бой... обрушили на нас всю свою мощь... И ты, Валентик, один из зловещих солдат этой злобной и мрачной силы... Но рано или поздно всей вашей силе... всем вам придет конец... Придет конец! <...>

Яков Алейников, оказывается, думал не о казни. Он думал о своем...

Вот оно величие советского человека, коммуниста, офицера, мужественно принимающего страшную мученическую смерть и отвергающего предложение о даровании жизни в качестве дешевой подачки за предательство собственных убеждений, родины и народа. Вот она смерть, дарующая бессмертье. Алейников думает не о спасении, не о муках, ожидающих его через считанные минуты, а об ошибках, которые допустил...

Ключевыми в этом диалоге предстают слова о никогда не прекращающейся борьбе добра и зла. Неужели эта мысль писателя, озвученная одним из самых ярких героев эпопеи Яковом Алейниковым, сыгранным замечательным русским актером новосибирцем Владеном Бирюковым в телесериале, в наши дни потеряла актуальность? Может, не все «мировые силы зла и тьмы решили, что пришел их час, и бросили в бой... обрушили на нас всю свою мощь...»? Анатолий Иванов показал себя прекрасным диалектиком и подвергал анализу как происшедшее рядом, так и события в стране и мире. При этом он отвергал поверхностный подход, презирал мелкотравчатость, всеядность, крикливость, отвергал поспешность суждений и одержимость в их отстаивании. Суевливость, самонадеянность, заносчивость в делах и творчестве, по его убеждению, могли лишь навредить.

Как повествуют произведения писателя и в особенности роман «Вечный зов», борьба не бывает бескровной. Некоторые критики в былые годы полагали, что страницы его эпопеи перенасыщены кровавыми сценами. Но мог ли Иванов писать свой шедевр иначе? И да и нет.

Анатолий Иванов принадлежал к числу наиболее жестких, предельно правдивых советских прозаиков, ставивших перед собой непростую задачу по отображению самых сложных жизненных явлений. Донести их до читателя, по его мнению, было критически важно. Советские люди второй половины XX века жили спокойной размеренной жизнью, с каждым годом все более резко отличавшейся от реалий довоенного, военного и послевоенного времени, описанию чего писатель и посвятил свои произведения.

Ключевой сценой эпопеи является продолжительный диалог между бывшим следователем царской охранки, а в годы Великой Отечественной войны офицером абвера Арнольдом Лахновским — самой зловещей фигурой в романе — и его бывшим агентом, карьеристом и приспособленцем Петром Полиповым, служившим в армейской газете.

Оставим за скобками подробности самой той встречи, ставшей для трусливого Полипова большой, крайне неприятной неожиданностью. Более важны сам разговор и поведение этих двух отрицательных персонажей, проявившие их полную противоположность в характерах и схожесть в способности мимикрировать и приспособливаться к даже самым нестандартным ситуациям.

Лахновский встречает Полипова и практически с порога выдает ему все те бредовые ужасающие мысли, которые, как скажет мимоходом автор, жили в его голове достаточно давно:

— Ну что же... Не удалось нам выиграть в этом веке, выиграем в следующем. Победа, говорит ваш Сталин, будет за нами. За Россией то есть. Это верно, нынче — за Россией. Но окончательная победа останется за противоположным ей миром. То есть за нами. <...>

— Не ошибаетесь? — вырвалось у Полипова невольно, даже протестующе.

— Нет! — повысил голос Лахновский. — Вы что же, думаете, Англия и Америка всегда будут с Россией? Нельзя примирить огонь и воду.

— Но идеи Ленина, коммунизма — они... <...>

— Слушай меня, Петр Петрович, внимательно. Во-первых, непобедимых идей нет. Идеи, всякие там теории, разные политические учения рождаются, на какое-то время признаются той или иной группой людей как единственно правильные, а потом стареют и умирают. Ничего вечного нету. И законов никаких вечных у людей нет, кроме одного — жить да жрать. Причем жить как можно дольше, а жрать как можно слаще. Вот и все. А чтоб добиться этого... ради этого люди сочиняют всякие там идеи, приспособливают их, чтоб этой цели достичь, одурачивают ими эти самые массы — глупую и жадную толпу двуногих зверей. А, не так?

Лахновский не был бы собой, если бы не показал Полипову истинную природу приспособленчества:

— Молчишь? Там, у своих, где-нибудь на собрании, ты бы сильно заколотился против таких слов. А здесь — что тебе сказать? <...> Не одолей нас эта озверелая толпа тогда, ты бы сейчас совсем другие идеи проповедовал. Царю бы здравицу до хрипа кричал. Потому что это давало бы тебе жирный кусок. Но эта толпа сделала то, что они называют революцией... Несмотря на наши с тобой усилия, все пошло прахом. За эти усилия и меня, и тебя могли запросто раздавить... как колесо муравья давит. Но мы увернулись. Ты и я. Но я продолжал, я продолжал всеми возможными способами бороться. Потому и здесь, с немцами, оказался. А ты, братец, приспособился к новым временам и порядкам. Ты спрашиваешь, верю ли я в бога? А сам ты веришь в коммунистические идеи? Не веришь! Ты просто приспособился к ним, стал делать вид, что веришь в них, борешься за них. Потому что именно это в новые времена только и могло дать тебе самый большой... и, насколько можно, самый жирный кусок. А, не так?

Предвидит Лахновский и скорое поражение Гитлера, несомненна для него и будущая ожесточенная борьба. Но кого с кем? Ради чего? Недаром Полипов так прямо у него и спрашивает: «А кто это — мы?»

Ответ старого цепного пса самодержавия, неслучайно ставшего германским агентом, Полипова просто ошеломляет: «Мы? Кто мы? <...> Мы — это мы. Вы называете нас до сих пор троцкистами. <...> Троцкого нет... Его ближай- шие помощники, верные его соратники осуждены и расстреляны. Но мы многое успели сделать, Петр Петрович. Промышленность Советского Союза, например, не набрала той мощи, на которую рассчитывали его правители...»

Далее Лахновский поясняет, как им удавалось вносить разброд в руководящую партийную среду, являвшуюся стовым хребтом молодого Советского государства:

— Я много думал над будущим, Петр Петрович, — неожиданно усмехнулся Лахновский мягко и как-то мирно, добродушно. — Конечно, теперешнее поколение, впитавшее в себя весь фанатизм так называемого марксизма-ленинизма, нам не сломить. Пробовали — не получилось. Да, пробовали — не получилось, — еще раз повторил он раздумчиво. И, в который раз оглядывая Полипова с головы до ног, скривил губы. — Немало, немало до войны было в России, во всем Советском государстве слишком уж ретивых революционеров, немало было таких карьеристов и шкурников, как ты... На различных участках, на самых различных должностях, больших и малых. Кто сознательно, а кто бессознательно,

но такие свехреволюционеры и лжекоммунисты, как ты, помогали нам разлагать коммунистическую идеологию, опошлять ее в глазах народа, в сознании самых оголтелых, но не очень грамотных ее приверженцев. А некоторые из таких... и ты вот, к примеру, способствовали еще и дискредитации... а иногда и гибели наиболее ярких коммунистов... Они летели со своих постов, оказывались в тюрьмах и лагерях. Они умирали от разрыва сердца, или их расстреливали...

Реально оценивающий возможности своих хозяев, но убежденный в неизбежности реванша, Лахновский уверенно продолжает:

— Я ж тебе и объясняю... В этом веке нам уже не победить. Нынешнее поколение людей в России слишком фанатичное. До оголтелости. <...> Помнишь, конечно, Ленин ваш сказал когда-то: мы пойдем другим путем. Читал я где-то или в кино слышал... Что ж, хорошая фраза. Вот и мы дальше пойдем другим путем. Будем вырывать эти духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать главные основы нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее! <...> Да, развращать! Растлевать! Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов! <...> Окончится война — все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, чем располагаем... все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить!

Нет пророка в своем отечестве

Намерения злобствующего фанатика Лахновского, в осуществлении которых он не сомневался и в основе коих лежали ключевые направления злополучного плана Даллеса, к великому сожалению, в нашей стране были реализованы.

Во второй половине семидесятых годов прошлого века к предостережениям писателя-патриота и подлинного государственника, прислушались, чего греха таить, немногие. Слишком далекими казались тогда большинству советских граждан события времен Великой Отечественной войны, а такие, как Лахновский, воспринимались колоритными, но отвлеченными отрицательными персонажами. Зачем заикливаться на старом и отжившем свое? Общество у нас, как в те годы считалось, монолитное, сплоченное и ведомое Коммунистической партией Советского Союза в нужном направлении. Следовательно, таких, как лахновские, в нем нет и не может быть по определению. Посему каких-либо серьезных, далеко идущих выводов из пусть и получившего всенародную известность литературного сюжета делать не требуется. А то, что в мире продолжается противостояние сил добра и зла, так это общеизвестно и сомнению не подлежит. Засим обсуждение этой сцены можно завершить... Что, как известно, и произошло на беду великой стране и ее многострадальному народу.

Такое несколько утрированное рассуждение мною озвучивается неслучайно. Прежде всего потому, что давно пора вернуться к Анатолию Иванову, перечитать лучшие его произведения и сопоставить их фабулу с современными проблемами и глобальными вызовами. В первую очередь к творчеству писателя следует

обратиться людям молодым, тем, кто только начинает свой жизненный путь. Путь непростой, требующий собранности, физических и духовных сил, а также неизбывной веры в Россию и ее преображение, за которое стоило бы и бороться.

Каждый раз, беря в руки творения Иванова, ловлю себя на мысли, что их жизненность и эмоциональная сила воздействия с годами не ослабевают. Скорее наоборот. Они обладают неизменной притягательностью, призывая вновь соприкоснуться с судьбами хорошо знакомых героев, о которых, кажется, знаешь все.

В одном из своих публицистических выступлений Анатолий Степанович очень точно подметил:

Для писателя, пожалуй, один из самых нелегких вопросов — о соотношении художественного вымысла и реальных событий, свидетелем которых он был лично. Но, как бы то ни было в каждом отдельном случае, лишь наблюдения над живой действительностью, добросовестный отбор самого сущного в ней позволяют избежать фальши, увидеть подлинного героя, запечатлеть в нем черты времени.

Анатолию Иванову удавалось всегда не переступить ту тонкую грань, за которой вымышленные герои могут выглядеть фальшиво и противоречить жизненной правде. Не заметить в его прозе эту безупречную истину может лишь ленивый...

В советское время многогранное творчество Анатолия Иванова часто сравнивали со «свирепым реализмом» Михаила Шолохова, приводя в качестве аргументов чисто внешние совпадения. Однако как художники они были разными. Великая эпопея Шолохова «Тихий Дон» начиналась с подробного повествования об укладе казачьей жизни. Именно его революционная ломка вызывала глубокий раскол, проходивший через многие семьи, поднимавший брата на брата. Шолохов в констатации истории казачества предельно, даже чрезмерно последователен, историчен. События в «Тихом Доне» описаны великим художником, но порой воспринимаются как хроника, документальное повествование.

Для Иванова же история выступала лишь фоном, на котором кипели человеческие страсти, завязывались конфликты и сложные запутанные интриги, требовавшие большого мастерства в их глубинном, с философским подтекстом описании. Однако сам Анатолий Степанович к своему творчеству относился скромно, требовательно, без претензий на зачисление в живые классики.

Иванов и Россия

Проза Анатолия Иванова дышит Русью. Она живет в его самой распространенной русской фамилии. В его простом, красивом и добром русском имени. В его русских корнях. В его мощной, основательной внешности сибиряка, с виду сурового, но с добрыми, немного грустными глазами. В его жизненном пути, интересном, непростом, содержательном, но и вполне естественном для того времени. В его пристрастии к великому русскому слову, журналистике, писательству, редакторству, служению литературе подлинной, высоко нравственной, гуманистической, патриотичной, реалистичной, стремившейся возвысить человека-творца. В его верности коммунистическим идеалам, советской власти, советскому образу жизни. В его скромности, презрении к чванству, высокомерию, самолюбиванию и жажде власти. В его искренней русскости, шедшей из потаенных уголков тонкой, восприимчивой души.

Примечательно, как незамысловато, но глубоко и тепло писал Иванов о родной ему Сибири, куда ему, в 1960-х годах ставшему москвичом, всегда было радостно приезжать, словно возвращаясь в детство и молодость...

«Сибирь... И поныне это слово вызывает у различных людей различные эмоции, — писал Иванов в очерке “Очарованные Сибирью”, опубликованном в 1972 году в газете “Правда”. — Конечно, сейчас не найдется человека, который думал бы о ней как о чужой и холодной. Сейчас скорее кивнут одобрительно головой: как же, мол, слышали по радио, читали про нее, видели по телевизору... И все-таки, хотя слышали, читали и даже видели своими глазами, в словах людей, никогда в Сибири не бывавших, все равно нет-нет да и проскользнет невольное удивление: так ли все там, в далеком таежном краю, потонувшем где-то за древним Уралом, в синеватой дымке невообразимых расстояний, как об этом пишут и как это показывают?»

И только человек, поживший хотя бы немного в Сибири, при этом слове всегда словно осветится весь изнутри, озарит его лицо улыбка, открытая и всегда чуть детская; и мне всегда чудится, что в эти мгновения происходит в нем великое таинство очищения и обновления, ибо человек, однажды узнавший Сибирь, остается очарованным ею до конца. И никто не объяснит тебе, в чем тут дело, отчего же такой колдовской силой обладает эта земля».

Иванов всегда доверительно, с большой любовью рассказывал о своей малой родине, Шемонаихе.

Есть город такой — Шемонаиха. Не на всякой карте он обозначается, немногие знают о нем, а если кто и слышал, вряд ли укажет, где он находится. От Москвы скорым поездом ехать до Шемонаихи трое суток, а самолетом надо сперва около четырех часов лететь до Усть-Каменогорска, а потом еще два часа добираться на автомашине, ехать все на север, на север, мимо сел и поселков, в которых крупные зернообрабатывающие и животноводческие комплексы соседствуют с рудными предприятиями, мимо высокого каменного утеса, под отвесными стенами которого плещется озеро, до светлой реки Убы. И сразу за Убой, окаймленной каменистыми сопками, на склоне плодородной лощины и лежит небольшой городок Шемонаиха. Впрочем, Шемонаиху можно назвать и Шантарой, а Убу — Светлихой или Громотухой — под такими названиями они описаны в моих романах «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов». Шемонаиха — это моя родина, здесь я родился, здесь научился различать волнующие запахи распаханной весенней земли и росных летних лугов, раскаленных зноем каменных гор и покрытых толстым снежным покровом полей, здесь впервые познал высочайшие взлеты человеческого духа и мрачные глубины нравственного падения людей.

В память о писателе в Шемонаихе установлен оригинальный памятник, а в городском историко-краеведческом музее работает экспозиция, посвященная жизни и творчеству Анатолия Степановича.

Анатолий Иванов о писательском труде

Некоторые мысли Иванова о писательском труде по сей день не потеряли актуальности. В статье «Характер в романе» Анатолий Степанович замечал:

Когда у меня спрашивают, у кого я учился писать, то я всегда отвечаю: у Максима Горького и Михаила Шолохова. Как и многие другие современные литераторы, я считаю их своими учителями, наставниками, вдохновителями. <...>

Я получаю много читательских писем, и нередко меня спрашивают о том, как рождаются произведения, каким образом писатель исследует действительность, что самое главное в его работе? <...>

Нередко думаю о том, что глаз писателя должен быть устроен особым образом. Надо уметь видеть. Видеть то, что другие не замечают или воспринимают сугубо поверхностно. Можно, например, сказать, что у героя — сильные руки. Эта особенность весьма существенна в характеристике персонажа. Но читатель может равнодушно отнестись к этой детали, пройти мимо нее. Вот здесь-то на помощь и должен прийти писательский острый глаз, который все увидит, рассмотрит, а может быть, и оценит по существу. Только тогда читатель также увидит руки героя, почувствует их силу. Но, повторяю, писатель обязан продемонстрировать на деле всепроницаемость своего глаза.

Анатолий Иванов оставил о себе память как о замечательном писателе, сценаристе, публицисте, государственнике, большом подвижнике и радете-ле земли русской, общественном деятеле, бессменном редакторе журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», сохранившего свой патриотический и гражданственный настрой и после того, как Ленинский комсомол самоликвидировался. Его помнят как художника самобытного, во многом жесткого, неподатливо-го, но последовательного. Его писательский взор был четким, всепроникающим и способным подмечать как самое существенное, так и то, что казалось мало-значительным и неважным. Анатолий Степанович прошел свой земной путь до-стойно, с высоко поднятой головой и открытым забралом, как и подобало на-стоящему русскому советскому гражданину, патриоту, воину и писателю... И жизнь выдающегося художника и его масштабных произведений продолжает-ся, пока живы его идеи и его читатели.

